

Ну и сумасшедшая же.

Ягодицы Чжэнь Вэньцзюнь были исхлѣстаны, причиняя одновременно боль и зуд. Вэй Тинсюй прилагала силу как раз в меру, тонкая палка гнулась, ударяя по плоти, и сбоку хлестала по ягодицам, оставляя дугообразные следы, похожие на удары кнутом. Удары не разрывали кожу, но оставляли длинные узкие рубцы. Техника была довольно хитрой, казалось, она била по определённым точкам акупунктуры и меридианам, из-за чего ноги Чжэнь Вэньцзюнь ослабели, и она постепенно сползала вниз. Если бы её руки не были привязаны к дыбе, она, вероятно, уже стояла бы на коленях.

Она помогла той собрать пятьдесят тысяч телег зерна, а в итоге оказалась в таком положении. Ее избивали, а она еще и должна была приговаривать: "Сестрица, хорошо бьешь". В этот момент Чжэнь Вэньцзюнь глубоко презирала себя, чувствуя себя жалкой рабыней в руках Вэй Тинсюй. Но стоило ей вспомнить, что это именно она пустила слух о пребывании Старшей принцессы в Нанья, как пришло осознание: то, что ее сейчас здесь подвесили и выпороли, это заслуженное возмездие. Последний раз мать била ее по ягодицам, когда она была совсем маленькой, а теперь ей пятнадцать, и с ней обходятся подобным образом - это было по-настоящему постыдно.

Вэй Тинсюй устала. Она выхватила длинный нож и перерезала веревки, удерживавшие Чжэнь Вэньцзюнь. Та поспешно запахнула растерзанную одежду, заново затянула пояс и встряхнула онемевшими ногами, постепенно приходя в себя.

- Больно? - Вэй Тинсюй слегка наклонила голову и посмотрела на нее снизу вверх, ее глаза лихорадочно блестели. Взгляд виновницы ее мучений внезапно наполнился притворным сочувствием. Чжэнь Вэньцзюнь поначалу хотела храбриться и сказать: "Совсем не больно, сестрица, твои удары пустяк", но вовремя передумала и произнесла:

- Даже если и больно, это горькие плоды, которые я взрастила сама. Я задержалась и не вернулась вовремя, заставив сестрицу тратить силы на мое наставление. У тебя, должно быть, и руки устали меня бить? Дай я их разомну. - Чжэнь Вэньцзюнь взяла ее за руку и принялась массировать запястье. - Я не слишком сильно давяю? Если тебе будет больно, сестрица, обязательно скажи мне.

Вэй Тинсюй с явным удовольствием принимала массаж. Когда Чжэнь Вэньцзюнь закончила, Вэй Тинсюй раскрыла объятия, всем видом показывая, что хочет, чтобы её взяли на руки.

Чжэнь Вэньцзюнь на мгновение замешкалась, прежде чем среагировать. Несмотря на боль в ягодицах, она шагнула вперед и подхватила Вэй Тинсюй на руки, оглядываясь в поисках четырёхколёсного кресла.

- Кресло снаружи подвала, - напомнила ей Вэй Тинсюй. Она обвила шею девушки руками и слегка сжала их, указывая в сторону единственного выхода и намекая, что её нужно вынести на поверхность прямо так.

У Чжэнь Вэньцзюнь не было права отказаться, поэтому она могла только крепко держать в объятиях человека, который только что её выпорол, и идти к выходу на поверхность.

Сяохуа стояла на страже у входа. Увидев, что Чжэнь Вэньцзюнь возвращается в том же состоянии, она не проявила никаких эмоций. Зато стоявшая рядом Линби, заметив её появление с Вэй Тинсюй на руках, поняла, что гроза миновала, и с облегчением выдохнула.

- Сестрица, - тихо позвала Вэй Тинсюй. Сяохуа подкатила четырёхколёсное кресло, и Чжэнь

Вэньцзюнь бережно усадила её. Вэй Тинсюй продолжила:

- Я думаю, такой умный человек, как ты, уже заметил, что человек, написавший стихотворение „О белом коне“, очень осторожен. Он использовал свою недоминирующую левую руку, чтобы писать, поэтому его почерк нельзя идентифицировать и сравнить, чтобы подтвердить его личность.

Чжэнь Вэньцзюнь кивнула. Именно поэтому она держала рот на замке. Она знала, что даже если Вэй Тинсюй перехватит сообщение, она не сможет определённо сказать, кто его написал. Чжэнь Вэньцзюнь понимала, что сравнение почерка это важный метод раскрытия личности шпиона. Она редко писала в присутствии Вэй Тинсюй и её подчинённых, и даже когда писала, то небрежно нацарапывала, никогда не оставляя чётких штрихов. В тот день, когда она отправила сообщение Янь Е, она скрыла истинное содержание и использовала левую руку, чтобы написать, стараясь сделать это прилично. Однако Вэй Тинсюй всё равно заметила, что что-то не так.

- Однако цель этого человека Старшая принцесса. Пока дело не сделано, он не покинет Нанья и уж тем более не отойдет от меня ни на шаг, - произнесла Вэй Тинсюй совершенно невозмутимым тоном. Чжэнь Вэньцзюнь приходилось вслушиваться в каждое слово, чтобы уловить, на чем именно Вэй Тинсюй делает акцент.

- Сестрица, ты хочешь сказать, что доносчик среди нас? - Когда Чжэнь Вэньцзюнь говорила, она смотрела не на Линби или Сяохуа, а направила взгляд на теневых стражей вокруг них. Теневые стражи, почувствовав её взгляд, в глазах которых читался слабый намёк на злобу. Чжэнь Вэньцзюнь не выказала страха, уверенно встретив их взгляды.

- Возможно. - Вэй Тинсюй подняла голову к небу, которое было настолько синим, что на нем не виднелось ни единого облачка. Лазурь отражалась в её зрачках. - Подозрение падает на каждого.

Этим заявлением Вэй Тинсюй, несомненно, причислила Сяохуа и Линби, которые следовали за ней годами, к потенциальным шпионам. Чжэнь Вэньцзюнь была озадачена. Разве такие слова не охладят сердца людей? Особенно тех, кто верен, кто с большей вероятностью падут духом. Но как ни странно, Чжэнь Вэньцзюнь заметила, что даже после того, как Вэй Тинсюй сказала такие вещи, ни Линби, ни Сяохуа не выказали никаких признаков недовольства или уныния. Их брови слегка приподнялись, отчего их лица выглядели странно эмоциональными. Чжэнь Вэньцзюнь попыталась расшифровать их выражение и, наконец, пришла к озадачивающему выводу: это была жалость.

Когда Вэй Тинсюй сказала: «Любой из вас может быть шпионом», Линби и Сяохуа мгновенно простили её и даже сострадали ей.

Думая о шрамах от ожогов и укусов на спине Вэй Тинсюй и то, как Линби запнулась, упоминая о её запредельной ненависти к предательству. Любопытство вспыхнуло в ней с новой силой.

Вэй Тинсюй наверняка не родилась столь подозрительной и безжалостной, что же тогда превратило её в ту женщину, которой она является сегодня?

Вэй Тинсюй велела Чжэнь Вэньцзюнь пойти отдохнуть и прийти к ней во время ужина, затем ушла с Сяохуа и остальными.

Чжэнь Вэньцзюнь и Линби вернулись в небольшой двор. Погружённая в мысли о Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь забыла о своих травмированных ягодицах. Она с размаху села на деревянный

помост и чуть не подскочила до небес. Завопив от боли, она то пыталась дотронуться до пострадавшего места, то в ужасе отдергивала руку, её перекошенная физиономия до колик рассмешила Линби.

- Не ожидала, что госпожа отлупит тебя по заднице, - на лице Линби буквально читалось: «Жаль, что я этого не видела».

- И что, ты бы меня спасла? - спросила Чжэнь Вэньцзюнь.

- Обязательно бы похлопала и крикнула: «Браво!».

- Сестрица Линби, неужели ты забыла всё то добро, что я для тебя делала?! Забыла, кто покупал тебе бананы и лягушачьи лапки?!

- Я помню только, кто обманом выманил у меня серебро и украл мой суп из фазана.

У Чжэнь Вэньцзюнь болела и голова, и ягодицы. У неё действительно не было сил препираться дальше. Стоя на помосте, она спросила:

- У нас остались целебные травы от наружных ран?

- Разве все лекарства не у тебя?

В последнее время из-за суматохи и разъездов Чжэнь Вэньцзюнь давно не видела своих запасов трав. Она обыскала полкомнаты, но так ничего и не нашла - видимо, всё закончилось. Без мази заживать будет целую вечность, а это мешает двигаться, поэтому Чжэнь Вэньцзюнь, превозмогая боль, решила сама сходить в город за лекарствами.

- Назови меня «дорогой сестрицей», и тогда я схожу куплю их за тебя, - Линби развалилась на помосте, попивая холодный чай и наслаждаясь легким ветерком. Видя, как Чжэнь Вэньцзюнь ковыляет, она не упустила шанса над ней подшутить.

- Ах ты, ведьма! - Чжэнь Вэньцзюнь обернулась и выпалила эти три слова, которые изначально предназначались Вэй Тинсюй, но так и не были произнесены, прямо в лицо Линби. В ответ Линби запустила в неё чайную пиалу.

Несмотря на травмированные ягодицы, Чжэнь Вэньцзюнь сохранила гибкость и ловко увернулась от атаки. Однако этот полный ярости удар не пропал даром: чашка с глухим звуком угодила точно в лоб только что вошедшей в ворота Чжун Цзи.

Удар пришелся в цель. Чжун Цзи отшатнулась на три-четыре шага и с грохотом повалилась на землю. Голова её безжизненно склонилась набок, а по земле потекла кровь. Перепуганные Чжэнь Вэньцзюнь и Линби бросились к ней, принялись вытирать кровь, прижимать холщовую ткань к ране и давить на точку над верхней губой, чтобы привести её в чувство.

- Ты как здесь оказалась? - спросили они в один голос. Обе давно не видели Чжун Цзи и не ожидали, что их встреча начнется так сурово.

Едва придя в себя и высказав обеим всё, что она думает об их поведении, Чжун Цзи ответила:

- Я собиралась пойти к госпоже Вэй просить денег на лекарства. То серебро, что она дала раньше, быстро закончилось. Я пыталась найти её в последние дни, но госпожа Вэй была слишком занята и не принимала меня, поэтому я пришла к вам.

- Собираешься за лекарствами? Как раз кстати, мне тоже нужно. Пойдем вместе. - предложила Чжэнь Вэньцзюнь. Её всегда интересовало лекарское искусство Чжун Цзи, но случая увидеть всё своими глазами так и не представлялось. Зная, какие именно травы та покупает, Чжэнь Вэньцзюнь могла бы догадаться о методах её лечения.

Чжун Цзи всё еще немного пошатывалась от удара. Линби угостила её холодным чаем и дала передохнуть. Спустя время, когда Чжун Цзи стало лучше, все трое отправились в сторону улицы Ванцзин.

На улице Ванцзин всегда было многолюдно. Чжэнь Вэньцзюнь помнила, что на Серебряном рынке есть переулок, обе стороны которого сплошь заставлены аптекарскими лавками. Выбрав самую большую из них, они вошли внутрь. Чжун Цзи, не моргнув и глазом, перечислила более десятка наименований лекарственного сырья. Пока лавочник суетился, собирая заказ, Чжэнь Вэньцзюнь заметила, что рецепт крайне сложен, а некоторые травы при смешивании и вовсе могут стать ядовитыми. Она решила расспросить Чжун Цзи.

- Ты права, - ответила та. - В этом рецепте действительно есть несовместимые, крайне токсичные компоненты. Яд «Проклятой горлицы» невозможно вывести обычными средствами, поэтому мне остается только идти на риск и действовать нестандартно.

- Неужели состояние Сяохуа не улучшилось?

- Нет, - с горечью призналась Чжун Цзи. - Ты ведь видела её? Действие яда только усилилось. Близится срок десятилетнего рецидива, токсины в её теле начали пробуждаться. Я давала ей сильнейшие препараты, но так и не смогла взять ситуацию под контроль. Напротив, болезнь только обостряется. Если в ближайшее время я не найду выход, боюсь, жизнь госпожи Сяохуа оборвется здесь.

Чжэнь Вэньцзюнь не ожидала такого исхода. Ей оставалось лишь приободрить спутницу:

- Ради своей собственной жизни, ты должна выложиться по полной.

На лбу совсем юной Чжун Цзи уже пролегла едва заметная морщинка. Она горько усмехнулась:

- Моя жизнь не стоит многого. Но если я умру, боюсь, в этом мире больше не останется никого, кто смог бы спасти Сяохуа или найти противоядие от «Проклятой горлицы».

Чжун Цзи демонстрировала зрелость, не соответствующую её годам. Видя в ней всего лишь ребёнка, Чжэнь Вэньцзюнь была поражена тем, насколько глубоки её мысли.

С юных лет мать всегда хвалила её, намеренно или случайно, за то, что она умнее других детей. Только когда она попала в более крупное место и встретила больше людей, Чжэнь Вэньцзюнь поняла, что существует много вундеркиндов, и всегда есть люди лучше тебя.

Стоило им забрать лекарства и выйти из лавки, как в Чжэнь Вэньцзюнь на полном ходу врезался какой-то человек. Она не удержалась, крутанулась на месте и едва не рухнула прямо на землю. К счастью, реакция не подвела: она успела вцепиться в шею Линби и избежать падения. Если бы она сейчас приземлилась на пятую точку, от этой боли она бы точно лишилась половины жизни.

- Что стряслось? Куда вы все бежите?! - Линби поймала одного из запаниковавших людей и спросила. Хаотичная толпа хлынула со стороны конного рынка, превратив Серебряный рынок в

беспорядок.

- Гигантский слон на конном рынке взбесился по какой-то причине и уже ранил нескольких человек! Когда слон разозлился, все лошади тоже обезумели, и их невозможно было остановить, они все разбежались! - лицо человека было смертельно бледным, он с ужасом оглянулся на конный рынок. - Смотрите! Он идёт! Бегите!

Оттолкнув Линби, он пустился наутек едва ли не на четвереньках. Вдалеке поднялось облако пыли, земля под ногами задрожала, а воздух наполнился криками и звуками крушения. Чжэнь Вэньцзюнь успела лишь выкрикнуть «Бежим!», как Чжун Цзи сбила с ног обезумевшая толпа. Когда девочка попыталась подняться, прямо перед её лицом взметнулась черная тень.

Могучий вороной конь, встав на дыбы, оглушительно заржал и уже готов был обрушить копыта прямо на неё.

Линби отгеснили в сторону толпой. Чжэнь Вэньцзюнь рванулась на помощь Чжун Цзи, но резкая боль в ягодицах сковала движения, и она сама повалилась на землю. Чжун Цзи от ужаса оцепенела и не могла даже пошевелиться.

В этот критический миг кто-то стремительно выскочил вперед и одной рукой подхватил щуплую Чжун Цзи. Копыта коня уже должны были ударить спасителя в спину, но тот, резко развернувшись, вцепился в налобник узды и с яростным криком с такой силой придавил обезумевшее животное, что повалил его на землю.

Конь отчаянно брыкался всеми четырьмя копытами, но так и не смог подняться. Пользуясь моментом, незнакомец, подхватив Чжун Цзи на руки, метнулся в сторону и укрылся в лавке тканей, тем самым избежав опасности.

Чжун Цзи, ещё не оправившись от пережитого ужаса, дрожащим голосом поблагодарила своего спасителя.

- Не стоит благодарности. Вы в порядке?

Чжун Цзи покачала головой.

Когда Чжэнь Вэньцзюнь и Линби подросли, они увидели, что человек, обладающий столь невероятной силой и сумевший одной рукой усмирить коня, на самом деле женщина. Она была стройна и статна, словно яшмовое дерево, с тонкими, изящно изогнутыми бровями. Облеченная в длинные одежды цвета морской волны с расшитым кисетом на поясе, она несла за спиной длинный меч в бирюзовых ножнах. Её облик сочетал в себе черты странствующего мечника и боевого генерала. Волосы не были уложены в сложную богатую причёску, как у обычных дам, а были просто и крепко стянуты в пучок и скрыты под сеткой. В ней чувствовалась красота, лишённая хрупкости, её кожа была здорового пшеничного оттенка - результат долгих лет, проведенных под палящим солнцем. Черты её лица были изысканны, а выражение непоколебимо спокойным, она была красива, словно сошла с картины.

Чжэнь Вэньцзюнь её лицо показалось странно знакомым, хотя она была абсолютно уверена, что никогда прежде не встречала этого человека.

Женщина взглянула на Чжэнь Вэньцзюнь и Линби и мягко сказала Чжун Цзи:

- Не бойся, твои матушка и сестрица уже здесь.

Матушка?! Чжэнь Вэньцзюнь и Линби впали в ступор.

Чжэнь Вэньцзюнь покосилась на Линби, которая за последнее время из-за бесконечных разъездов под солнцем и ветром потемнела кожей, исхудала и стала выглядеть на несколько лет старше, и тут же «передала» ей титул матери:

- Матушка, что же ты стоишь? Живо посмотри, не пострадала ли твоя дочь!

Линби с каменным лицом отозвалась:

- Какая жалость. Такая молодая, а уже совсем слепая.

<http://bllate.org/book/17227/1616977>